

Вечная память!

Н. Ф. Козлова
Вечная память!

«Издательские решения»

Козлова Н. Ф.

Вечная память! / Н. Ф. Козлова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-564698-9

Плохая им досталась доля: Немногие вернулись с поля. Когда б на то не божья
воля, Не отдали б Москвы! (Михаил Юрьевич Лермонтов)

ISBN 978-5-00-564698-9

© Козлова Н. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Вечная память!	6
Михаил Юрьевич Лермонтов	7
Бородино	8
Марина Ерофеевская	11
Дедушке Ване	11
Мальчик	12
Лина Ордашова	14
Эхо войны	14
Татьяна Гассан-Филиппович	17
Что такое родина?	17
«Как мир жесток, какие люди злые, ...»	17
В ему любить охота!	18
В Берлине встретил ДЕНЬ ПОБЕДЫ!	19
Ты честен жизнью, правдой и душой!	20
«Поклонимся великим тем годам!...»	21
«Плывут мои ромашковые сны ...»	21
Бахвалова Валентина	23
Уходили на войну солдаты	23
Сказка	23
Разведчик по имени Гришка	24
Сестра милосердия	25
Встреча	25
Владимир Верхогляд	26
«Горит Кавказ под сапогом солдата...»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вечная память!

Составитель Н. Ф. Козлова

ISBN 978-5-0056-4698-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вечная память!

Михаил Юрьевич Лермонтов

Бородино

– Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!
– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!
Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»
И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.
Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!
Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.
Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.

Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.
И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте же под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.
Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.
Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...
Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.

Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

1837 г.

Марина Ерофеевская

*Посвящается Махавкину Ивану Григорьевичу, ветерану Великой
Отечественной Войны.
Годы жизни 1926 – 2021.*

Дедушке Ване

Наступила полУночь немая,
Одеяло во сне теребя,
Накануне девятого мая
Я опять поздравляю тебя.
Пожеланья здоровья и счастья
Повторяю как будто в бреду,
И целую сухое запястье...
Это было все в прошлом году...
Нет, мой дедушка, стало не легче,
Я тебя не забыла совсем,
Но уже не обнять твои плечи
Первый раз, в дату семьдесят семь...
Не придешь ты уже к обелиску,
Не приставишь ладошку к виску,
Я иду в незаконченных списках
С кем-то в ногу в «Бессмертном полку».
Помню, будто мне лет ещё мало,
Говоришь: «Прочитай мне стишок!»
Для тебя я его написала,
Может поздно, но с чистой душой.
Если б знала я истину мира
Раньше всех неизбежных концов —
Никогда бы не стал мне кумиром
Кто-то из популярных певцов,
Что кричат зачастую с экрана,
Рекламируя свежий контент.
Я б глядела в глаза ветеранам,
И ловила последний момент...
Так вот, дедушка, ты и не верил,
Что когда-то увижу войну,
Видно Бог, наши души измерив,
Заточил нас в столетнем плену.
Никогда мне не стать героиней,
И медалей твоих не поднять,
Это тяжесть такая отныне,
Что осилит лишь Родина-Мать,
Ни окопов не видеть, ни знамя,
Не лежать на холодной земле.

А по-правде – да кто его знает,
Что судьба уготовила мне...
Я подобна неистовой глыбе,
Без войны насладившейся властью...
Слышишь, дедушка, если не ты бы,
Я бы даже не родилась...

Мальчик

Мальчик маленький верит в чудо,
Рядом мама, отец и брат.
Ест клубнику рукой из блюда,
Не считает ни дней, ни дат.

Мальчик-школьник уроки учит,
Собирает с утра рюкзак.
У него увлечений куча,
И искрятся его глаза.

Мальчик с другом опять в войнушку
Побежал во дворе играть,
Он соседа берет на мушку,
Из рогатки учась стрелять.

Мальчик вырос, влюбился в первый,
Далеко не в последний раз.
Ощутил, что такое – нервы,
Что такое – ее отказ.

Мальчик ждёт на пороге храма,
И невесту ведёт к венцу.
Постарела с годами мама,
Нездоровится вновь отцу

Мальчик любит свою невесту,
Сына нянчит с заботой он.
Вдруг приходит ему повестка,
Призывают его на фронт

Мальчик в чудо уже не верит,
И надежды горят в огне.
Он живой, и по крайней мере,
Это лучший его из дней.

Мальчик смотрит на внуков с фото,
Запылившимся на стене.
«Воевал?» – может спросит кто-то,

Может спросит, а может нет...

Мальчик даже не помнит даты,
И не помнит, в каком году
Он из мальчика стал солдатом,
Третьим слева в седьмом ряду...

Лина Ордашова

Посвящается маме, бабушке Лопыревой Клавдии Семеновне

Эхо войны

Будний день – за дровами. Ей достался старый, поседелый мерин. Коняга для ее росточка была великовата. Но справляться то, как-то надо.

На один день дали с колхоза лошадь. А дрова везти с самой Кельчанки. До места Кланы доехала поутру. Мороз не шибко сильный. А в лесу и вовсе было тихо, сумрачно. Поскрипывал снег под полозьями саней. За день ей предстояло сделать 3—4 поездки.

Клане 7 лет. Прасковья ушла на перебор зерна, выгрузку мешков. И по дрова пришлось ехать одной. «Справишься.» Не спрашивая, а утверждая сказала мать. Кланы в фуфаечке до колен, препоясанная бечевой и латанных перелатанных валенках.

На голове плат, спереди крест на крест и концами на спине -узлом завязан.

Лишний раз поправлять плат не надо.

Саврасый в этот раз попался с норовом, то вставал, то дергался не впад. На делянке девочка еле развернула упрямую скотину.

«Ну к следующему разу лучше получиться.» Выбирая из сваленных деревьев не очень громоздкие бревна, подтаскивала и крепила за остатки сучьев, чтобы не соскользнули и не потерялись по дороге. Первая поездка была сделана. К полудню была привезена и вторая партия. На третий раз сумерки уж подступали. Добрались до места совсем темновато стало.

Вдруг мерин стал похрапывать, дергаться. «Волки» – подумала Кланы. А из бревен то - одно и закреплено. Стала громко сама с собой и заодно с конем разговаривать.

«Дома- я тебе сена дам, ты не бойся, много не загрузу.» «Вот это бревно, вот так... , подвяжу... , закреплю и поедем». Однако под голос девчушки лошадь стала спокойнее. «На вот тебе, хлебушек». Отдала замерзшую горбушку, «дома поем, а то лошадь и не вывезет». Прикрепив последнее дерево хлестнула несильно, дала сигнал трогаться. Но коняга не тронулся с места, даже ухом не повел. «Да что с тобой? Пошевеливайся, совсем темно станет!! Не сможем найти дорогу.» Лошадь стояла закрыв глаза, и не шевелилась.

Душа девочки ушла в пятки, «Сдохнет, здесь и сдохнет». Злые слезы навернулись на глаза. Подмораживало. Девчушка так же устала, донимал страх темноты. Понимала, что животное проголодалась, совсем уж старый мерин. Ну не было у них сена в достатке, чтобы накормить вдосталь. Все-таки два раза успели сделать подвоз. Наверно не надо было ехать в третий.

Но сами дрова не приходят. Отец на войне. Дома маленькие братья, мама на колхозной работе, придет еще позже. Сама она успела съесть две картофелины макая в крупную соль на платочке, и небольшую лепешку. Запила чаем из чаги. Вот и весь ее обед. Горбушка осталась с завтрака, до вечера тянула, а вот отдала же скотине. Скотина стояла, понуро опустив голову. Изморозь легла на гриву, глаза закрыты, уснула что ли?

Кланы решила подождать «Ну устал, ладно давай еще пять минут постоим».

Сдерживая порыв хлестнуть лошадь, села на бревно. Тишина. Вдруг лошадь всхрапнула, дернула гривой и лениво оглянулась на девчушку. Видя, что та сидит, сделала шаг, тронулись. «Ух, слава Богу!» шагала рядом, в мыслях поторапливала скотину, но вслух боялась сказать. Так в молчании, под скрип снега, пофыркивая и мотая головой подъехали к окраине. Вот и деревня.

Длинная улица казалась бы еще, удлинилась. Становилось все темнее, в домах зажигались керосинки. Желтый свет освещал окна, и чудилось что, улица подслеповато подсматривает за движущимися- то ли удивленно, то ли с укоризной.

Дом.

В окнах света нет, значит и мать не пришла. Острое чувство усталости и страха за младших братьев, заставило Кланю стегануть лошадь для убыстрения. Но саврасый и сам понимал, работа окончена, надо поторопиться.

Распрягая лошадь, откидывая бревна, заводя животное под маленький навес в стын сарая, Кланя спешила. «Вот тебе, что есть!» – под ноги коню скинула прошлогоднюю отаву. Открывая дверь почувствовала – дом остыл. Дети спят на полатах. Матери все еще нет. Время позднее – зажгла линейную лампу, затопила печь. С подпола перебрала 5—6 крупных картофелин. Помыла, уложила в чугунок с водой и в печь. Сама присела на кончик скамейки, чуть-чуть отдохнуть. Сморило. Умаялась. Несмотря на голод, уснула за столом.

Прасковья вошла с улицы, с собой занесла морозный воздух, и чуть слышный запах прелого зерна. Девочка подняла голову- мать присобрав верхнюю юбку из карманов нижней – выгребала зерно. Хмуро посмотрела на дочь и ничего не сказала. Зерна оказалось на 2 деревянные тарелки.

Кланя по одной унесла в подпол. «Три жменя» – вслед сказала мать. При свече углядела самодельный жернов. Три жменя маленькой ладошки – стараясь ухватить побольше, сыпаны на жернова. Тихо шуршали, натирали зерна деревянные болтанки, в воздух поднималась пыль от пола и перемешивалась с грубым помолом. Собрав смолотое, девочка облизала пальцы и хлопнула нижнюю часть жернова- быстро слизала, смачно плюхнула обратно. И так, пока и пыли не осталось на поверхности болванки. Поднимаясь, аккуратно подала тарелку Прасковье. Лицо девчонки было в белом налете муки. Кланя бросилась к кадке с водой. Бульк, бульк-громко глотала теплую воду. Вот и перекусила. Через некоторое время по избе поплыл запах лепешек, сготовилась болтушка на сухих травах, где плавали кусочки свиной кожи, отварились картофеля. Мальчиков подняли с полатей и сели за поздний ужин. Молча. По очереди хлебали из большой тарелки. Аккуратно не расплёскивая похлебку поддерживали ложку кусочком хлебushка. «Завтра со мной пойдешь, зерно собирать, что рассыпается». Так прошел еще один день детства Клани.

Татьяна Гассан-Филиппович

Что такое родина?

Сегодня внук спросил меня:

– А что такое Родина?

Вопрос, как меч, пронзил звеня,

Был сочным, как смородина!

Я, помолчав, собравшись с духом,

Ему ответила спокойно:

– Ты мне поверь, внучок, не слухам,

Что надо жизнь прожить достойно!

Любить то место, где живёшь,

Где с бабушкой своей гуляешь,

Где песни добрые поёшь

И о берёзках стих слагаешь;

Где лето жаркое звенит,

А осень золотом играет,

Где снег белеет и искрит,

Где в облаках журавль порхает.

Где мама с нежностью целует

И в гости с ней ты так спешишь.

Где бабушка тебя бал, ует

И любит очень, наш малыш!

Ты вырастешь! Поймёшь конечно,

Что Родина, она одна, —

То место, как берёзок вечность,

Где дом твой и твоя семья!

А ты расти, Отчизны сын, —

Люби и верь в неё безмерно!

Для нас на свете ты один,

Как Родина, и это верно!

«Как мир жесток, какие люди злые, ...»

Как мир жесток, какие люди злые, —

Как звери страшные, почуяв кровь,

Порвут, сгрызут в минуты роковые

И предадут и веру, и любовь...

И нападут безжалостно и дико,
Забыв про совесть, честь и доброту,
И жутко будет от людского крика,
Который оборвётся в пустоту.

Опомнитесь! Да что же вы творите?
Ужель вам безразличен детский плач
И слёзы матерей? Не надо, прекратите,
Пусть вытрет кровь с рубилища палач.

Нам Богом жизнь дана, а это значит —
Никто не вправе эту жизнь отнять!
А небо тучами затянуто и плачет,
И слёз беды и горя не унять.

Горят в огне и города и сёла,
А дьявол ухмыляется в бреду.
Наступит час, его оскал «весёлый»
Звериной маской пропадёт в аду.

Остановитесь, люди! Ну, довольно,
Кровопролитие не стоит продолжать.
Скажите «Нет» войне и воздух вольный
Пусть разольется! Будем им дышать...

Пусть снова солнце светит нам улыбкой
И птичий щебет пробуждает жажду жить,
Пусть будет МИР устойчивый, не зыбкий,
Чтоб было где ЛЮБИТЬ, МЕЧТАТЬ, ТВОРИТЬ!

В ему любить охота!

Позади десятый класс,
На дворе июнь зелёный...
Девочка в последний раз
Слышит голос приглушённый:

– Ты дождись меня, прошу!
Я вернусь, я обещаю!..
Как приеду, напишу.
Я люблю. И ты. Я знаю!

Сорок первый – страшный год.
Смерть нависла чёрной тучей.
На защиту встал народ

Жизни светлой, самой лучшей.

У мальчишки автомат,
Гимнастёрка, плащ-палатка.
Он в строю и он – солдат!
Фотографию украдкой

Смотрит он, а там она,
Девочка его родная!
Хоть ещё и не жена,
Но подруга дорогая!..

Будет он громить врага,
Смелым будет и везучим!
Слово страшное – война
Мужеству парней научит...

Голод, холод, боль и страх
Девочка его познает...
На обветренных губах
Жизнь устало угасает...

А мальчишка снова в бой
Поднимается с пехотой!
Он бесстрашный, он живой
И ему любить охота...

В Берлине встретил ДЕНЬ ПОБЕДЫ!

За край отцов, зелёный и цветущий,
Что Родиной зовётся с детских лет,
Не думая, как назовут в грядущем,
Сражался на полях войны мой дед!

Он не мечтал о званьях и наградах,
А просто гнал врага с земли родной, —
Переходил, переползал преграды,
Сквозь шквал огня он поднимался в бой!

Судьба распорядилась – дед живой
В Берлине встретил День Победы со слезами!
И я кричу сквозь годы: – Дед, постой!
Постой в одной шеренге вместе с нами...

Я кланяюсь до самой до земли
И говорю тебе: – Спасибо за Победу,
За радость жизни и за свет зари,

И за детей, внучонка-непоседу!

Пусть светит солнце и течёт река,
Пусть будут счастливы все люди на планете!
А ты, мой дед – герой на все века,
Я чту тебя, пока живу на свете!

P.S. «Постой в одной шеренге вместе с нами» —
имеется в виду «Бессмертный полк»

Ты честен жизнью, правдой и душой!

«Коль Дух силён и с мыслью дружен
И бесшабашность где-то есть,
Ты жизнью хоть и отутюжен,
Но сохранил в итоге Честь!»
(Александр Бильдин)

Ведь не боятся только дураки
И пьяницы, им «море по колено»,
А сильный напрягает кулаки
И страх зажат, вперёд идёт он смело!

Так мир устроен – есть смельчак и трус,
И равнодушных, пруд пруди, хватает.
Но если знаешь этой жизни вкус,
То выстоишь, судьба не ломает.

Сомнения у каждого бывают,
И шепчет трусость тихо: – Отойди.
Пусть кто-то, но не ты, людей спасает,
А ты в сторонке где-то посиди.

Пуускай другие за судьбу Отчизны
Рискуют жизнью и идут вперёд,
А ты смотри на всё сквозь грани призмы,
Не отвечай эмоциям, ты – лёд.

Я презираю подлецов и трусов
И никогда им не подам руки!
Ведь как сказал поэт великий Брюсов:
– Глаза у страха слишком велики!

Но если ты нормальный человек
И любишь свою мать, детей и Землю,
А совесть ты не проПил и не сверг,
И не ползёшь по жизни подлой тенью,

Тогда смелей шагай и к чёрту страх,
Достоинство и Честь всегда с тобою!
Пусть будут счастье и любовь глазах —
Ты честен Жизнью, Правдой и Душою!..

«Поклонимся великим тем годам!..»

Поклонимся великим тем годам!
О них написано и спето очень много.
Кто, как не я, уроки преподам
Любимым внукам – бережно, но строго
О тех далёких жутких временах —
Ночах и днях, страшней которых нету,
И о забытых в битвах именах
Моих родных, не встретивших рассветы.
Светить на небе солнце нам должно, —
Я счастья и здоровья всем желаю!

Весной победной тоже всё цвело...
Едва её увидев, умирали,
Любя отчаянно и небо, и траву,
И терпкое цветение сирени —
Кто в смертной бойне, ну а кто в плену,
И улыбались соловьиной трели...
Меняется с годами мир земной.

Трава по прежнему растёт и зеленеет.
Ель у тропинки так любима мной,
Меня встречает, память мою греет.

Героям той, отчаянной войны,
Одаренным Победой и Свободой, —
Дедам, отцам, и мёртвым и живым,
А также сёстрам, бабушкам и жёнам
Мы благодарны оставаться быть должны!..

«Плывут мои ромашковые сны ...»

Плывут мои ромашковые сны —
Цветочная метель всюду бушует...
Я вновь в плену у сказочной весны —
Она цветёт, резвится и чарует!..

Но жизнь – не сон. Опять гремит гроза.

Раскаты грома наполняют душу.
А в сердце боль, в глазах блестит слеза.
Кантата скорби снова радость рушит.

Беснуется и гадит сатана —
Бездомный пёс с цепи своей сорвался.
Мы знаем твёрдо – выстоит страна!
Кто трогал нас, тот сильно обжигался...

И всё равно я верю в вещий сон!
Уйдёт гроза и снова выйдет солнце.
Пройдёт страстей полураспад и звон
Прольётся мирным счастьем мне в оконце!

Бахвалова Валентина

Уходили на войну солдаты

Уходили на войну солдаты,
Мальчики безусые шагали,
Строем шли от стен Военкомата.
О победе юноши мечтали.

Сколько впереди их ожидало
Боли, смерти, ужасов войны,
Молодость зелёная не знала.
Мир нарушен, нет той тишины.

Не вернуться многие ребята,
Защищая Родину свою.
Мальчики, безусые солдаты,
Как вас много полегло в бою.

Будут плакать матери ночами,
Вспоминая сыновей своих,
В смерть не веря, ожидая днями,
Говоря о них, как о живых.

Смерти нет, а память – она вечна.
Павших за победу поминая,
Верим, милость Бога бесконечна,
И для них открыты двери Рая.

Сказка

Война. Как много чёрной краски
В блокадном городе зимой,
А малыши хотели сказки,
Где открывался мир другой.

Закутавшись под одеяло,
Девчушка, радио включив,
И слушав, сказку представляла,
И про еду на миг забыв,

И кушать больше не хотела,
Не страшен ей снарядов звук.
Вот уток стая полетела

Над Серой Шейкой, сделав круг.

И будет уточка бороться
За жизнь, и победит она,
Своих товарищей дождётся.
Наступит тёплая весна.

Вот так, в блокаду сказки эти
Детишкам помогали жить.
Мороз и голод, смертный ветер
Не смог их души погубить.

Разведчик по имени Гришка

Маленькая гимнастёрка,
Маленькие сапоги,
С заснеженного пригорка
Катился в горячей крови.

Двенадцати лет мальчишка
Растрелянный лежал.
Разведчик по имени Гришка
Врагам ничего не сказал.

Молчал, когда пытали,
Бледные губы кусал.
Фашисты его истязали,
А он, назло, хохотал.

Молчал, когда под конвоем
На расстрел вели,
Белым, заснеженным полем,
В лес, где ели росли.

Молчал, когда пуля свинцовая
Жизнь оборвала ему.
В глазах застыла суровая
Ненависть к врагу.

Возле самой дороги
Погибший лежал мальчишка,
В белоснежном сугробе,
Разведчик по имени Гришка.

Сестра милосердия

Сестра милосердия – это от Бога,
Ведь милость к другим в своём сердце несла.
Войны и разрухи тяжёлой дорога
На чистую девичью душу легла.

И раненым сильную боль облегчала,
Своей добротой делилась сполна,
Молилась и немощным книги читала,
Всегда помогала, чем только могла.

И видя страдания, плакать хотелось,
Но только гнала эту грусть она прочь,
Чтоб искра надежды в душе загорелась,
Тогда только сможет сестричка помочь.

Сестёр милосердия – трудны дороги,
И раненых много от смерти спасли,
Себя не жалели и в Божьи чертоги
Вы, словно святые, смиренно вошли.

Встреча

«Папа, папа, я тебя дождался».
Слёзы на мальчишеских глазах,
И к лицу небритому прижался —
«Я тебя сегодня видел в снах».

Мальчик от волнения замолкает.
Трудно, очень трудно говорить.
Тонкими руками обнимает:
«Папка, папка, будем вместе жить».

Мамка заболела, я остался,
И хозяин в доме, и мужик.
Наконец-то всё-таки дождался».
Наступил счастливый в жизни миг.

На ноге мальчишеской бинт серый.
Ничего, всё это ерунда.
Был отец на фронте очень смелый,
И войны не будет никогда.

Владимир Верхогляд

«Горит Кавказ под сапогом солдата...»

Горит Кавказ под сапогом солдата.
Опять идут в Россию грузы цинковых гробов.
Вас всех подставили в который раз, ребята,
Из-за амбиций этих горе-игроков.

Не извлекли они урока,
Когда союз делили на куски.
Всё развалили и разворовали,
А мы теперь кусаем локотки.

Унижена Россия так жестоко!
Кругом в долгах богатая страна.
Веками собирал её по крохам
Великий мудрый русский наш народ!

Давайте вспомним хоть немного,
Как в море крови и в слезах,
Рождалась русская держава,
Внушая первобытный страх.

В то время Русь была под игом,
Но князь Владимирский Иван,
Задумал вопреки интригам,
Объединение начал.

Прошли года. Его потомок
Князь Игорь войско подобрал.
Разбил на поле возле Дона
Отборные войска татар.

Объединенье продолжалось.
Земля московская росла.
Держава силой наливалась,
Чтобы свободной быть всегда.

С тех пор не раз кипели битвы.
Пытались Русью завладеть
поляки, турки, шведы, франки,
японцы, немцы, – всех не перечесть

Ни разу больше мы не покорились.
Хотя и было тяжело.

К свободе мы всегда стремились!
Свободным дышится легко!

Теперь вернёмся в наше время

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.